

А. В. Чернецов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

A. V. Chernetsov

MEDIEVAL RUSSIA

STUDIES IN SPIRITUAL AND
MATERIAL CULTURE

Moscow
2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. В. Чернецов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

Москва
2025

УДК 902/904
ББК 63.4
Ч-49

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор

Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. ГАЙДУКОВ

Рецензенты

Доктор исторических наук А. А. МЕДЫНЦЕВА,
Член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения Вл. В. СЕДОВ

Чернецов А. В.

Средневековая Русь: вопросы изучения духовной и материальной культуры – М.: ИА РАН, 2025. – 328 с., ил.

ISBN 978-5-94375-496-8

Книга посвящена изучению истоков национального своеобразия русской культуры. В ней рассматриваются шедевры древнерусского художественного ремесла эпохи расцвета древнерусских княжеств – наборы драгоценностей, входившие в состав праздничного наряда представителей высшей знати, происходящие из кладов, сокрытых горожанами при приближении войск Батая; парадные двери двух порталов суздальского собора Рождества Богородицы, украшенные в сложной технике огненного золочения, а также более ранний шедевр прикладного искусства, связанный с эпохой язычества и становления российской государственности, – пиршественный рог из богатейшего погребения в кургане Черная Могила (в черте современного Чернигова), украшенный серебряной оковкой, на которой представлена сложная композиция, истолковать которую пытались несколько поколений ученых. Автор подкрепляет свои интерпретации значительным количеством иллюстраций. В книге также рассматриваются отдельные сюжеты, связанные с нумизматикой, свидетельства рукописных источников, вопросы истории науки. Автор стремится продемонстрировать взаимодействие в культуре Средневековья духовного и светского начала, православия и пережитков архаичных суеверий, отметить тенденции, получившие развитие в более позднюю эпоху формирования централизованного Русского государства.

Книга адресована специалистам в области истории, археологии, искусствоведения и вспомогательных исторических дисциплин; учащейся молодежи, всем, кто интересуется отечественным прошлым.

Исследование подготовлено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: Коваль В. Ю. (№ НИОКТР 122011200266-3).

ISBN 978-5-94375-496-8

DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-496-8

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2025
- © А. В. Чернецов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Часть первая. Художественное ремесло средневековой Руси	11
Раздел I. Старая Рязань	13
Глава 1. Сокровища Старой Рязани: двести лет исследований и новые перспективы	13
Глава 2. К изучению произведений прикладного искусства из Старой Рязани	33
Глава 3. Материалы к характеристике ювелирного ремесла средневековой Рязанщины	52
Раздел II. Турий рог из Черной Могилы	80
Глава 4. Опыт интерпретации декора. К оценке скандинавского влияния на Руси в X в.	80
Раздел III. Двери Суздальского собора	120
Глава 5. Суздальские двери: иконографические параллели	120
Глава 6. Огнезрачные ангелы на дверях Суздальского собора и традиции византийско-русского искусства	166
Часть вторая. Источниковедение и история науки	191
Раздел IV. Нумизматика	193
Глава 7. Древнерусское денежное обращение в евразийском контексте	193
<i>Приложение. К библиографии отечественной нумизматики</i>	224
Раздел V. Наследие язычества	241
Глава 8. Архаические суеверия по рукописным материалам	241
Библиография	293
Summary	321

CONTENTS

Introduction	7
Part One. Artistic Craftsmanship of Medieval Russia	11
Section I. Staraya Ryazan	13
Chapter 1. Staraya Ryazan Treasures: Two Hundred Years of Research and New Perspectives	13
Chapter 2. A Contribution to the Studies of Jeweler's Craftsmanship from Staraya Ryazan	33
Chapter 3. Materials for Characteristics of Jewelry Craftsmanship in Medieval Ryazan Lands	52
Section II. Auroch's Drinking-Horn from the Chernaya Mogila Kurgan	80
Chapter 4. A Contribution to the Interpretation of the Decoration. A Study of Scandinavian Influence in 10th-century Russia	80
Section III. The Doors of the Suzdal Cathedral	120
Chapter 5. The Suzdal Doors. Iconographic Parallels	120
Chapter 6. Flame-looking Angels on the Doors of the Suzdal Cathedral and Traditions of the Byzantine-Russian Art	166
Part Two. Source Analysis and History of Science	191
Section IV. Numismatics	193
Chapter 7. Monetary Circulation in Medieval Russia: Eurasian Context	193
<i>Appendix. A Contribution to the Studies of the Bibliography on the Russian Numismatics</i>	224
Section V. Heritage of Paganism	241
Chapter 8. An Archaic Superstitions: Manuscript Evidence ...	241
References	293
Summary	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге отражено стремление автора исследовать истоки исторического своеобразия русской культуры. По существу, изучению этой темы были посвящены почти все его опубликованные работы. Разумеется, столь широкая тема не может быть освещена в одной книге в полном объеме. Для этой публикации были выбраны преимущественно работы автора последних лет или обновленные переработки сюжетов, которые уже привлекали его внимание ранее.

Важнейшей особенностью любой национальной культуры является специфика представлений о прекрасном. В древнерусских текстах для них неоднократно используется слово «узорочье». В ряде случаев оно применяется в самом широком смысле. Павшие смертью храбрых дружинники, защитники Русской земли, названы в «Повести о нашествии Батые на Рязань» «узорочьем и воспитанием рязанским». Герой еще одного старинного сказания на вопрос «что есть узорочнее во свете сем?» отвечает «Всего есть лучши своя воля!».

Действительно, именно узорочье, орнаментальные мотивы древнерусского искусства отмечены наиболее яркими проявлениями национального своеобразия. Поэтому автор выбрал в качестве основного материала, рассматриваемого в этой книге, произведения прикладного искусства.

В первом разделе книги рассказывается о находках из Старой Рязани – замечательного памятника древнерусской археологии,

изучению которого автор посвятил три десятилетия своей жизни. Уникальное городище, превратившееся после Батыева нашествия в мертвый город, стало первым стольным городом Древней Руси, на котором были проведены археологические исследования. Это единственный крупный городской центр средневековой Руси, не занятый современной городской застройкой, что позволяет считать его чрезвычайно перспективным объектом дальнейших археологических исследований.

Второй раздел посвящен замечательной находке из знаменитого огромного кургана X в. Черная Могила, который расположен в черте современного Чернигова. Это наиболее богатое языческое княжеское погребение, материалами которого открывается экспозиция Исторического музея, посвященная Древней Руси. Рядом с этими находками экспонируется грандиозное живописное полотно Г.И. Семирадского «Похороны руса», на котором художник стремился воспроизвести красочное описание языческого обряда погребения, принадлежащее арабскому путешественнику X в. Ибн-Фадлану.

Третий раздел книги связан с художественным наследием Владимиро-Суздальской Руси, отмеченным замечательными памятниками древнерусского зодчества и прикладного искусства. Рассматриваются богато украшенные в сложной технике огненного золочения двери двух порталов суздальского собора Рождества Богородицы и их место в контексте тенденций развития византийско-славянского искусства.

Вторая часть книги посвящена проблематике источниковедческих исследований, а также истории науки. Она включает два раздела: один посвящен нумизматике, второй – архаическим народным суевериям.

Нумизматические материалы имеют важное значение для археологических исследований, прежде всего для датировок находок и напластований, а также для изучения торговых и культурных связей, вопросов формирования комплексов кладов. Изображения и надписи на монетах отражают специфику политических структур прошлого, представления о власти феодальных правителей. Нумизматический раздел книги посвящен анализу оставшейся незащищенной докторской диссертации Н.П. Бауера (1888–1942), носившей, по первоначальному замыслу автора, название «История древнерусского денежного обращения». В качестве приложения к этой главе читателю предлагается обзор опубликованной посмертно работы

С. И. Чижова (1870–1921) «Русская нумизматика. Библиографический опыт». Ученый многие годы исполнял обязанности секретаря Московского нумизматического общества, занимался преимущественно монетами удельного периода. Его библиографическую публикацию можно рассматривать как существенное дополнение к исследованию Н. П. Бауера.

Завершающий раздел книги посвящен отражению архаических верований в рукописных материалах. Его основой послужил критический разбор фундаментальной публикации, подготовленной А. Л. Топорковым «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.». Подобные материалы представлены преимущественно в рукописях XVII–XIX вв.; более ранние тексты аналогичного содержания немногочисленны и чаще всего предельно кратки. При этом в позднейших текстах могут быть выявлены фрагменты, которые, несомненно, отмечены весьма древними чертами, имеющими языческие корни. В русских текстах, отражающих народные верования, также обильно представлено влияние христианской книжности. Проявления этого влияния иногда смешиваются с архаическими, языческими чертами и нередко приобретают признаки кощунства. В ряде случаев мотивы суеверных текстов могут быть использованы для истолкования композиций и элементов декора произведений прикладного искусства, в частности, рассматриваемых в первой части книги.

* * *

Автор хотел бы выразить свою признательность всем тем, кому он в той иной степени обязан за помощь и поддержку, благодаря которой стала возможной публикация этой книги. Среди них прежде всего отмечу своих учителей. Это не только мой научный руководитель академик Борис Александрович Рыбаков, но и коллектив преподавателей кафедры археологии Московского университета, и руководитель клуба юных археологов, впоследствии главный археолог Москвы Александр Григорьевич Векслер, а также многочисленные коллеги из Института археологии РАН и других научных учреждений, от которых мне не раз приходилось услышать полезные советы и критические замечания. Отдельная благодарность всем сотрудникам отдела славяно-русской (ныне средневековой) археологии Института, участвовавшим в обсуждении рукописи этой книги и моих

более ранних научных работ, а также всем тем, кто принимал участие в работах Старорязанской археологической экспедиции, – как профессиональным археологам, так и представителям других специальностей, и тем, кто выступал в роли рядовых землекопов. Большое спасибо всем, кто участвовал в подготовке рукописи к печати.

ЧАСТЬ I

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕМЕСЛО СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

РАЗДЕЛ I. СТАРАЯ РЯЗАНЬ

Глава 1.

Сокровища Старой Рязани: двести лет исследований и новые перспективы

Как одиноко сидит город, некогда многолюдный!
Он стал, как вдова.
Плач Иеремии, 1,1

Первый, самый богатый, клад из Старой Рязани – находка, с которой начались археологические исследования древнерусских городов, ставшие важнейшим направлением науки о древностях русского Средневековья, – был обнаружен 6 (18) июня 1822 г. (см: *Чернецов, Стрикалов*, 2020).

Клады драгоценных ювелирных изделий, найденные в Старой Рязани, были зарыты владельцами в связи с драматическими событиями декабря 1237 г. – монгольским нашествием. Полчища Батыя осадили тогдашнюю столицу Рязанского княжества 16 декабря; 21 числа того же месяца город был взят и сожжен неприятелем. Подобные находки, оказавшиеся в земле в результате той же грандиозной военно-политической катастрофы эпохи, известны и в других крупных древнерусских городах.

Самое значительное число подобных кладов найдено в номинальной столице Руси того времени, «матери городов русских» – Киеве. На втором месте по количеству таких находок (и на первом в границах Российской Федерации) – Старая Рязань. В настоящее время в музеях России хранится 17 кладов, найденных на этом городище. При этом клад 1822 г. остается наиболее богатым, разнообразным по составу и отмеченным исключительными художественными достоинствами украшений (рис. 1). Большая часть находок изготовлена из золота, в то время как в других старорязанских кладах представлены в основном серебряные украшения. Золотые изделия преобладают лишь в еще в одном старорязанском кладе, найденном в 1992 г. (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 64–77) (рис. 2). Но этот клад значительно уступает более ранней находке и в количественном плане, и по разнообразию представленных украшений. Неслучайно

Рис. 1. Золотые украшения из клада 1822 г. (по: *Стерлигова*, 2021)

именно клад 1822 г. стал украшением Оружейной палаты Московского Кремля, открывающим экспозицию этого собрания.

Знаменитый клад 1822 г. был найден местными крестьянами случайно, в ходе работ по обустройству проходящей через городище дороги. Находка привлекла внимание губернского начальства. На место находки командировали известного ученого, доктора медицины И. Х. Гамеля (археология как академическая наука в то время в России еще не существовала). Главная задача, поставленная перед Гамелем, была проверить, не осталась ли часть сокровищ в земле. Для этого были проведены небольшие раскопочные работы, не увенчавшиеся новыми находками ювелирных изделий. При этом были найдены фрагменты строительных материалов, черепки от сосудов и иные следы человеческой деятельности. Не будучи профильным специалистом в области отечественных древностей, но обладавший незаурядным кругозором, И. Х. Гамель сумел оценить перспективы изучения Старорязанского городища. По его мнению, здесь «стоило бы делать дальнейшие исследования, ибо в сем древнем жилище рязанских князей верно нашлись бы многие вещи, любопытные для изыскателя древностей, а можно полагать, что там зарыто много еще драгоценных вещей, по причине того, что рязанские князья находились часто в войне с другими князьями, а город неоднократно был взят и сожигаем татарами» (цит. по: *Попов, Буланкина*, 2024. С. 4).

Когда вести о находке достигли Петербурга, в Старую Рязань по поручению руководителя архива Министерства иностранных

Рис. 2. Комплекс клада 1992 г. (по: *Даркевич, Борисевич, 1995*)

дел, председателя Общества истории и древностей российских при Московском университете А.Ф. Малиновского отправился более профильный специалист – К.Ф. Калайдович (1792–1832), знаток славянских рукописей, в том числе наиболее древних. Он также провел небольшие раскопки, причем не только вблизи от места, где был найден клад. Его внимание привлекли холмы, в которых были обнаружены остатки монументальных построек и другие находки. Но, самое важное то, что К.Ф. Калайдович уже в следующем году откликнулся на сенсационную находку публикацией иллюстрированной книги, посвященной драгоценным украшениям клада и другим древностям Рязанской земли (*Калайдович, 1823*). Такая оперативность отнюдь не была правилом в первой половине XIX в.; она отражала нетерпение общества по отношению к новым данным о русской старине. Это было связано с патриотическим подъемом, вызванным победой в Отечественной войне 1812 г.

Достоинно внимания, что в названии книги присутствуют слова «археологические исследования». Автор, в отличие от других ученых писателей той эпохи, использует слово «археология» в смысле, более близком к его современному пониманию. В первой половине XIX в. ясное представление о предмете этой науки еще не сложилось. В Энциклопедическом лексиконе, опубликованном в 1830-х гг., сообщается: «В теснейшем, и в настоящее время общепринятом, значении, археология есть наука древнего искусства: она излагает его теорию и представляет систематическое обозрение всех его памятников, сохранившихся до наших времен... Ее избранные народы – греки и римляне, и потом этруски и египтяне» (*Печерин*, 1835. С. 231, 234). В отличие от подобных представлений, отражающих наследие эпохи Возрождения и классицизма, Калайдович считал предметом археологии различные (а не только художественные) вещественные памятники и, наряду с древностями «избранных народов», включал в сферу ее интересов памятники других культур, в частности отечественные.

Очерковый характер книги Калайдовича и ее особенности, связанные с поспешностью написания, обусловили неудовлетворенность ряда влиятельных читателей. В 1831 г. из печати выходит более фундаментальное издание на двух языках, подготовленное президентом Императорской Академии художеств А.Н. Олениным (1763–1844). Между тем новые находки на городище вновь привлекли внимание общественности к его древностям. В 1832 г. местные крестьяне, раскапывая холм, образовавшийся на месте, где находился храм домонгольского времени, с целью добычи строительного камня и кирпича для вторичного использования, откопали три гроба, вытесанных из камня. Подобные находки не относятся к числу драгоценных. Вместе с тем очевидно, что такие саркофаги могли использоваться только при погребении представителей верхушки общества.

Император Николай I распорядился оставить гробы на поверхности, чтобы их могли увидеть любознательные посетители городища. Одновременно Академия художеств направила в Старую Рязань академика Ф.Г. Солнцева, к тому времени зарекомендовавшего себя в роли создателя зарисовок памятников отечественной старины. До нашего времени дошли более 20 его акварелей, на которых запечатлены виды городища и его окрестностей, местные жители в крестьянских одеждах, рассматривающие найденные гробы (*Богатская, Панова*, 1999). Попытка превратить находки в своеобразную экспозицию под открытым небом оказалась неудачной – старинные

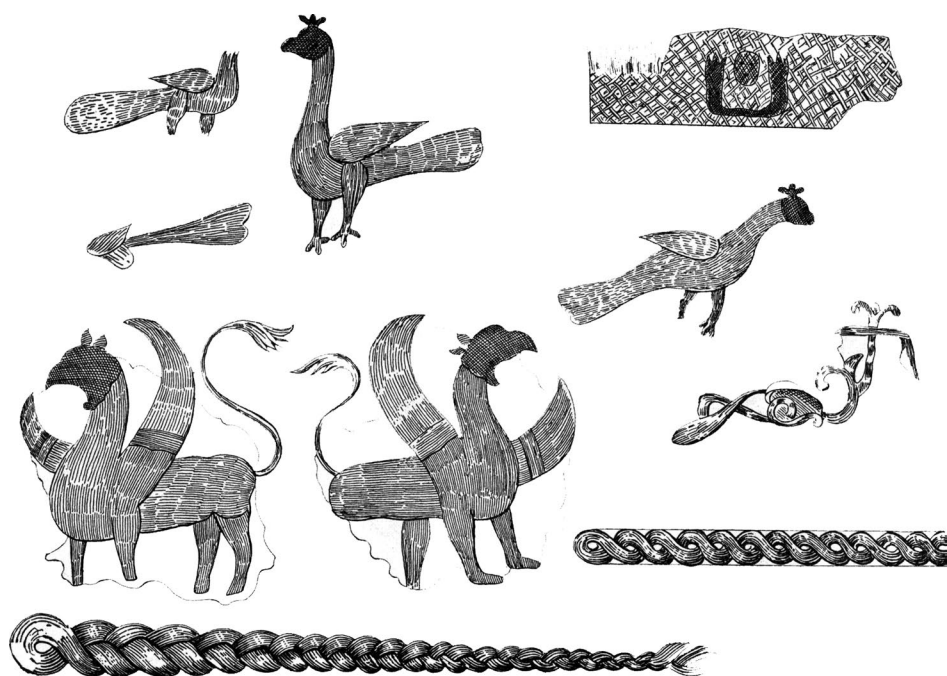

Рис. 3. Золотное шитье из раскопок 1836 г. (по: Тихомиров, 1844)

саркофаги были вскоре заполнены мусором. Последовало еще одно распоряжение, и гробы были вновь закопаны рядом с позднейшим кладбищем.

Гробы, обнаруженные в 1832 г., явились непосредственным толчком, в результате которого на Старой Рязани были проведены первые значительные раскопки, уже носившие вполне определенный исследовательский характер. Их организовал в 1836 г. местный краевед, на сей раз весьма демократического происхождения – «купеческий сын» Д. П. Тихомиров, член-соревнователь Общества истории и древностей Российских. Его интересовали погребения князей и представителей высшего духовенства, которые могли быть похоронены в разрушенном соборе. Тихомировым был раскопан интерьер древнего храма. При этом были выявлены многочисленные погребения, каменные саркофаги, фрагменты расшитых золотом драгоценных одежд (рис. 3) и ряд других находок.

Раскопки Д. П. Тихомирова отмечены несовершенством методики, вполне естественным, учитывая тогдашнюю стадию развития

науки о древностях. Важно, что исследователь счел необходимым оперативно отражать результаты этих работ в публикациях. Среди них небольшая иллюстрированная книга, изданная в 1844 г. С этого времени во второй половине XIX в. полевые работы на городище неоднократно возобновлялись, прежде всего силами членов основанной в те годы Рязанской ученой архивной комиссии. В 1868, 1887 и 1888 гг. на городище были найдены еще три клада ювелирных изделий. Находки из Старой Рязани занимают заметное место на страницах известной монографии «архистратига российской археологии» Н. П. Кондакова (1844–1924) «Русские клады» (1896). Его классическое исследование кладов и произведений ювелирного ремесла, в частности, находок из Старой Рязани, было в дальнейшем продолжено в работах ряда известных специалистов (*Корзухина*, 1954; *Макарова*, 1975; 1986; *Жилина*, 2006).

Великолепные находки 1822 г. из Старой Рязани и первые, весьма ограниченные и несовершенные, раскопки на городище оказались резонансным событием, стимулировавшим всплеск интереса к русским средневековым древностям. Через два года, в 1824 г., в Киеве – «матери городов русских» – были начаты первые научные исследования руин Десятинной церкви, более древней, чем прославленная София Киевская (*Козюба*, 2014. С. 125). Храм был возведен в 990 г. при Владимире Святославиче, вскоре после крещения Руси. В 1240 гг. он оказался последним убежищем защитников города и был разрушен монголами. После исследований 1824 г. киевские древности становятся постоянным объектом интереса российских ученых. Характерно, что и в этом случае обращение к изучению городских древностей возникает в связи с воспоминаниями о трагических событиях Батыева нашествия.

Археологическое изучение другой важнейшей составляющей памятников русского Средневековья – курганных могильников – началось несколько позднее. Через два года после возобновления археологических работ в Старой Рязани, в 1838 г., А. Д. Чертков, более известный как основоположник научного изучения древнерусских монет удельного периода, проводит раскопки сельских могильников в окрестностях Звенигорода (*Седов*, 1982. С. 143). К середине XIX в. становление российской археологической науки обусловило появление организационных структур. В 1844 г. возникает Русское археологическо-нумизматическое (в дальнейшем археологическое) общество, в 1859 г. – Императорская археологическая комиссия,

призванная обеспечивать сохранность памятников старины и осуществлять надзор за полевыми исследованиями.

Находка прославленного клада и начало исследований Старой Рязани – не единственная причина считать 1822 г. важной вехой в истории отечественной археологической науки. В том же году выходит знаковая книга П. И. Кёппена (1793–1864) «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии». Это первый свод вещественных памятников, снабженных надписями, как правило, позволяющими установить точную дату их создания. Поскольку археология как наука значительно моложе исследований, основанных на анализе письменных источников, появление подобного свода было весьма существенно для установления хронологии археологических материалов. Сводки артефактов, снабженных надписями, являются важным подспорьем и для современных исследователей. Существенно, что работа П. И. Кёппена была в том же году в несколько сокращенном виде опубликована на немецком языке (*Köppen*, 1822). В 1839 г. выходит в свет учебное пособие для духовных семинарий, в заглавии которого имеются слова «церковная археология». Хотя слово «археология» понималось преподавателями духовных учебных заведений по-своему, важно, что этот термин как обозначение научного направления начинает входить в употребление.

В 1823 г., том же, когда была опубликована первая книга о древностях Старой Рязани, в Берлине на немецком языке напечатали еще одно исследование, посвященное памятнику эпохи Средних веков, сохранившемуся в одном из важнейших центров древнерусской культуры. Это бронзовые двери главного западного портала собора св. Софии, наиболее почитаемой святыни Великого Новгорода. Замечательный памятник художественного ремесла, украшенный многочисленными довольно сложными композициями и изображениями отдельных фигур в высоком рельефе, народное предание связывало с трофеями, привезенными в конце X в. Владимиром Святославичем из взятого им Корсуня (Херсонеса). С первого взгляда становится ясным, что эти двери отмечены признаками иноземной работы. Однако суждение народной молвы об их происхождении на поверку оказалось ошибочным. Изображения на дверях сопровождаются многочисленными латинскими надписями. Часть из них сообщает, какие эпизоды священной истории изображены на их створках. Другие доносят до нас имена заказчиков, по указанию

которых были изготовлены двери, и даже мастеров, участвовавших в их украшении.

Заказчиками новгородских дверей были два католических епископа – магдебургский Вихман (1152–1192) и плоцкий Александр (1129–1156). Скорее всего, последний, резиденция которого находилась в небольшом польском городке, обратился за помощью к владыке крупного городского центра Германии. Дата изготовления дверей определяется небольшим временным отрезком, когда оба прелата занимали свои епископские кафедры (1152–1156 гг.). Мастера, украсившие их створки, сочли возможным запечатлеть на них свои имена – Риквин и Вайсмут. Скорее всего, оба были немцами. Созданные ими двери представляют собой бесспорный шедевр, отмеченный ярко выраженными чертами романского стиля.

Вопрос о том, как эти замечательные двери попали в Новгород, до сих пор ясен далеко не полностью. В силу каких-то обстоятельств они могли попасть в Швецию. Столицу этого государства в 1187 г. разорили воинственные эстонцы, в те годы бывшие данниками Великого Новгорода. Они могли передать свой трофей в главный храм этого древнерусского города. Однако прямые свидетельства этих перемещений в источниках не сохранились. На Руси двери претерпели ряд ремонтов и переделок. Они были необходимы, чтобы подогнать размеры створок к порталу новгородского храма. На дверях появились дополнительные изображения. Среди них – замечательный скульптурный образ кентавра-лучника (ныне, к сожалению, утраченный). Наряду с фигурами чужеземных ремесленников, появилось изображение русского персонажа с подписью «мастер Аврам». Русские надписи можно видеть на створках и во многих других местах. Как правило, этот перевод более ранних, латинских, обычно правильный. Но в некоторых случаях знаний переводчикам не хватило. Рахиль, плачущая над погибшими детьми, при переводе превратилась в мужчину по имени Рагуил (так звали тестя пророка Моисея). Подпись Риквина завершается сокращением “me fec.”, т.е. “me fecit” («меня [двери] сделал»), переведена как «Мастер Никвин ме пеги». Дополнения русских мастеров и славянские надписи относятся к более позднему времени, чем украшения, созданные романскими мастерами, – к XV в. Убедительные свидетельства, дающие окончательный ответ на вопрос о судьбах памятника в XII–XV вв., к сожалению, пока не найдены.

Первым исследователем, в целом удачно разобравшимся с вопросом о происхождении дверей, оказался ученый немецкого проис-

хождения Ф. Аделунг (1768–1843). Основная часть его деятельности была связана с Россией. В 1809 г. Аделунг становится членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. Его научное наследие включает лингвистические работы, а также сводку описаний путешествий в Россию до 1700 г. Появление исследования «корсунских дверей», свидетельствующих о давних культурных контактах средневековой Руси с Западом (*Adelung*, 1823), совпавшее по времени с публикацией книги о древностях Старой Рязани, а также монументальной сводки русских древностей, подготовленной другим немцем, П. Кёппеном, еще раз указывает на происходившие в то время масштабные сдвиги в области изучения прошлого России. Русский перевод исследования Аделунга о дверях становится доступен отечественному читателю на десятилетие позднее (*Аделунг*, 1834).

Чтобы более объективно оценить значение находки клада 1822 г., необходимо сказать несколько слов о более ранних проявлениях внимания к русским средневековым древностям. В неразвитой, донаучной форме подобный интерес возникает в далеком прошлом. В Повести временных лет сообщается, что во Пскове некогда сохранялись сани княгини Ольги, кончина которой датируется в летописи 969 г. Известно летописное свидетельство о том, что Андрею Боголюбскому принадлежал меч святого Бориса, убитого в 1015 г. (ПСРЛ. Т. 1, 1962. Стб. 60, 369). В письменных источниках встречаются сведения о постройках храмов, укреплений, о священных реликвиях, в разное время попадавших на Русь. Сохранились описи святынь и ценностей, хранившихся в церквях и монастырях, например, Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (1987). В 1661 г. киевский монах Илия изготовил гравюры, на которых наглядно представлен план пещер Киево-Печерской лавры, с указанием мест, где находились мощи прославленных подвижников (*Ровинский*, 1900. Стб. 483, 484. Рис. 326, 327). Этот незаурядный для своего времени памятник картографии был опубликован ненамного позже знаменитой книги аббата Антонио Бозио «Подземный Рим», посвященной римским катакомбам, с которой начинается история западноевропейской христианской археологии (*Bosio*, 1632).

Первое ученое сочинение о вещественном памятнике древнерусской археологии было опубликовано в 1733 г. Оно посвящено замечательному памятнику древнерусского художественного ремесла, драгоценной святыне – кресту полоцкой княжны Евфросинии, украшенному мастером Лазарем Богшей в 1161 г. золотом, дорогими

камнями и перегородчатыми эмальями. В крест были вставлены частицы мощей святых и другие реликвии. Наряду со священными изображениями, украшающими этот воздвизальный на престольный крест значительных размеров (51×21 см), на нем начертана пространная вкладная надпись. В ней указаны имена заказчицы и мастера, сведения о том, что эта святыня предназначалась для монастырской церкви Спаса, а также проклятия в адрес того, кто осмелится перенести святыню в другой храм (Алексеев, 1957). Крест принадлежит к числу шедевров древнерусского ювелирного искусства, сопоставимых с находками из старорязанского клада 1822 г. Несмотря на заклятье, обещающее дерзнувшему совершить святотатство, одинаковое за гробное наказание с Иудой, предавшим Христа, драгоценная святыня, начиная с домонгольской эпохи, неоднократно перемещалась из одного города в другой. Первоначально крестом завладели смоленские князья. После того как Смоленск был отвоеван у Великого княжества Литовского отцом Ивана Грозного в 1514 г., крест оказался в Москве. Кратковременное возвращение Полоцка в состав Русского государства в 1563 г. по инициативе Грозного царя сопровождалось возвращением святыни в родной город. В 1579 г. Полоцк был вновь отвоеван Польско-Литовским государством. При этом крест становится святыней главного собора города – св. Софии. Около двух столетий шедевр древнерусского ювелирного ремесла принадлежал униатскому духовенству, признававшему власть папского престола. В XIX–XX вв. крест временно привозили в Санкт-Петербург и Москву; перед Великой Отечественной войной он хранился в Могилеве. Попадая в руки фашистских захватчиков святыня остается не разысканной и считается утраченной.

В 1733 г. в Риме на латинском языке была опубликована книга униатского священника Игнатия Кульчиньского, посвященная кресту Евфросинии. Ее можно назвать первым, если не вполне научным, то, несомненно, ученым изданием о восточнославянских церковных древностях. К сожалению, достоинства публикации омрачены наличием в ней фактической ошибки в прочтении надписи на кресте, которая была при этом, несомненно, тенденциозной фальсификацией. В прочтении Кульчиньского заказчицей святыни была не Евфросиния, а Параскева. Полоцкая княжна с таким именем появляется в позднейших рукописях. Как и считавшаяся ее сестрой Евфросиния, она характеризуется как ревностная христианка. В отличие от сестры, почитавшейся православными в качестве святой, Параскева

упоминается как последовательница католицизма. По-видимому, образ этой княжны представляет собой фантом исторической памяти, сфабрикованный в позднейшие времена. Кульчинский, будучи униатским священником, конечно, мог правильно прочесть имя на кресте. Но он счел возможным исказить текст старинной надписи в угоду вероисповедным предпочтениям. Это обстоятельство, безусловно, бросает тень на его память. Отмеченный факт отражает дух эпохи и свидетельствует о том, что прогрессу научных знаний во все времена препятствовало не только несовершенство используемых методик, но и привходящие конъюнктурные соображения. Справедливости ради отметим, что неточность прочтения надписи на кресте была отмечена в работе, опубликованной в 1781 г. Й. Стебельским (также униатским священником) (*Алексеев, 1968; Kulczyński, 1733*).

Во второй половине XVIII в. в изданиях Н. И. Новикова и А. П. Сумарокова появляются материалы о памятниках московской старины. В 90-х гг. того же столетия Н. С. Ильинский публикует несколько выпусков, посвященных памятникам Пскова и его окрестностей. В его исследовании намечается переход от ранних работ по историческому краеведению к церковно-археологическим исследованиям. В 1811 г. выходит первый том работы Г. П. Успенского «Опыт повествования о древностях русских». Эта работа основана преимущественно на письменных источниках и посвящена не вещественным памятникам, а «истории повседневности».

Первой российской общественной структурой, круг интересов которой включал вещественные памятники старины, стало Общество истории и древностей российских при Московском университете, основанное в 1804 г. В 1807 г. А. Ф. Малиновский (которому впоследствии были адресованы «Письма» о рязанских древностях К. Ф. Калайдовича) впервые публикует печатное описание собрания Московской Оружейной палаты.

В конце XVIII – начале XIX в. внимание российской общественности привлекает ряд эффектных находок, связанных с отечественной стариной. В 1792 г. был обнаружен знаменитый Тьмураканский камень с исторической надписью, датируемой 1068 г., свидетельствующей о распространении в то время власти русских князей на черноморское побережье. Историческое значение надписи было отмечено в публикации А. И. Мусина-Пушкина, вышедшей спустя три года. В 1806 г. к надписи на камне обращается А. Н. Оленин, доказавший ее подлинность по особенностям начертания букв,

которые он сопоставлял с уже известными к этому времени древнейшими русскими рукописями.

В 1808 г. неподалеку от Юрьева-Польского, на месте кровопролитного сражения, имевшего место в 1217 г., был найден замечательный шлем, украшенный серебряными накладками с изображениями Христа, архангела Михаила и святых и сопровождающими их надписями. Надписи были без особого труда правильно прочтены местным священником. В настоящее время памятник хранится в Оружейной палате Московского Кремля (*Спицын*, 1899). В 1821 г., за год до находки старорязанского клада, под Черниговом был найден замечательный крупный золотой медальон, украшенный изображениями и надписями (двумя греческими и одной славянской). Греческая надпись, оказавшаяся трудной для перевода, окружает фантастический образ, напоминающий голову Горгоны Медузы (*Николаева, Чернецов*, 1991. С. 49–51). В печати сразу же появились многочисленные отклики на загадочную находку, авторы которых, писавшие на разных языках, пытались разгадать ее назначение. В настоящее время установлено, что это амулет-оберег, имеющий византийские прототипы, принадлежавший самому Владимиру Мономаху.

Очевидно, патриотически окрашенный рост общественного интереса к отечественной старине, который обыкновенно связывают с победой в Отечественной войне 1812 г. и последующей публикацией первых томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1818), на самом деле начинает приобретать отчетливые очертания на несколько десятилетий ранее. О том же говорят следующие публикации: «Слово о полку Игореве» (1800) и «Древняя русская стихотворения» (1804) – издание, по которому русское общество впервые познакомилось с записями русских былин из знаменитого сборника Кирши Данилова (Сборник Кирши Данилова, 1901).

Итак, к 1822 г. в российском обществе уже созрели предпосылки для перехода к новому этапу развития полевых и кабинетных исследований памятников отечественных древностей. Возникает вопрос, насколько случайно само место знаковой находки – Старая Рязань?

Старая Рязань была столицей крупной земли-княжения. При этом в ряду подобных городских центров она не отмечена длительной славной историей. Такие города, как Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Ростов, возникают и приобретают большое военно-политическое, экономическое и культурное значение намного раньше. Более молодые столицы – Владимир и Галич – превосходят Ста-

рую Рязань и как центры могущественных политических структур, и по размерам, и по обилию монументальных построек. В момент разорения этот город был лишь на пути к расцвету. Здесь только начинали складываться самобытные традиции в архитектуре, живописи, книжности, местном летописании.

Старая Рязань – единственная столица крупной земли-княжения средневековой Руси, превратившаяся в результате нашествия в классический мертвый город. Она осталась в памяти народа символом масштабной исторической трагедии. Среди эпизодов монгольского нашествия драматические события, происшедшие в Рязанской земле, нашли наиболее яркое отражение в древнерусской книжности (Лихачев, 1949) и фольклоре (Народные исторические песни, 1962. С. 57–60).

В Повести о прославленной святыне Рязанской земли – чудотворном образе Николы Зарайского – сохранился подробный взволнованный рассказ о нашествии полчищ Батыя на Рязанскую землю. С этого события началось вторжение монголов на Русь, следствием которого стало более чем двухсотлетнее ордынское иго. Средневековый книжник сообщает легендарные подробности проявлений стойкости и героизма рязанцев – защитников своей земли и мстителей за разорение стольного города. Наиболее ярко красками охарактеризована трагическая судьба Старой Рязани. «Многия князи местныя и воеводы крепкия, и воинства удалцы и резвцы, узорочье (украшение) и воспитание рязанское, вси равно умроша и едину чашу смертную испиша». «И весь град пожгоша, и все узорочье, нарочитое богатство рязанское и сродников их, киевское и черниговское поимаша, и храмы Божии разориша... И не оста во граде ни един живых..., несть бо ту не стонюща, ни плачуща». «Погибе град и земля Рязанская, изменися доброта ея, и не бе в ней благо видеть, токмо дым, земля и пепел, а церкви вси погореша, а сама соборная церковь внутри погоре и почерне». «Кто не восплачется толикие погибели, или кто не возрыдает о селище (стольких) народе людей, или кто не пожалит множество государей и храбрых воевод, и нарочитых людей напрасно (внезапно) нужною (насильственной) смертью скончавшаяся, или кто не постонет сицевого пленения» (рис. 4, 5). В русских летописях можно найти точные слова, характеризующие нравственную атмосферу, воцарившуюся на Руси непосредственно после нашествия: «Дело стыдно и велми страшно, и хлеб во уста не идяше от страха...» (ПСРЛ. Т. 1, 1962. Стб. 481).

Рис. 4. Взятие Старой Рязани монголами. Сожжение храмов и монастырей, разграбление сокровищ. Миниатюра Лицевого летописного свода. Голицынский том (ОР РНБ. F.IV.225, л. 309 об.)

Рис. 5. Панихида на месте братской могилы жертв нашествия, обнаруженной при раскопках 1978 и 1979 гг. Декабрь 1997 г.

Тотальное разорение Старой Рязани, приведшее к прекращению здесь городской жизни, объясняется попыткой рязанских князей сопротивляться и упорством защитников стольного города, принявших первый удар завоевателей, что побудило Батю и его военачальников расправиться с ними с демонстративной жестокостью. Взятие столиц других русских княжеств, таких как Киев или Владимир, также сопровождалось жестокими боями, но городская жизнь в них после нашествия была восстановлена.

В одном древнерусском рукописном Служебнике XIV в. рядом с календарными таблицами для вычисления даты празднования Пасхи (своего рода «вечным календарем») помещена запись, гласящая: «От Адама до крещенья русския земли лет 6496, от крещенья до взятъя Рязани от татар лет 249» (Симонов, 1993. С. 142, 143). Здесь еще раз отмечен драматический эпизод отечественной истории, с которого начинается более чем двухсотлетнее иго. В записи приход чужеземных «неверных» захватчиков и взятие Старой Рязани оказываются событием одного масштаба с Сотворением мира и Крещением Руси.

Рис. 6. Панорама городища Старой Рязани. Вид с севера.
Фото А. Л. Серебрякова

Если Старая Рязань не может считаться важнейшим культурным и военно-политическим центром средневековой Руси, то как археологический объект она, несомненно, представляет собой уникальный комплекс. В отличие от других столиц крупных княжеств, Старая Рязань не смогла возродиться на прежнем месте после нашествия и не занята современной городской застройкой, затрудняющей работы археологов в других старинных русских городах. Современный город Рязань (средневековый Переяславль Рязанский) расположен на другом месте, в 50 км от руин древней столицы Рязанской земли. Старая Рязань стала классическим мертвым городом, большая часть ее территории в прямом смысле превратилась в чистое поле, использовавшееся в сельском хозяйстве до 70-х гг. XX в. (рис. 6, 7). Эти обстоятельства открывают перед археологами исключительные перспективы – возможность практически полного изучения городища, превращают его в эталонный памятник археологии (Чернецов, 2012а).

Рис. 7. Панорама городища Старой Рязани. Вид с юга.
Фото А. Л. Серебрякова

В связи с юбилеем знаковой находки 1822 г. из печати вышел ряд посвященных ему статей (Чернецов, Стрикалов, 2020; 2021; Стерлигова, 2021; Strikalov, 2022; Chernetsov, 2022), специальная подборка публикаций в журнале «Российская археология» (Авдусина, 2022; Стерлигова, 2022; Стрикалов, 2022; Чернецов, 2022); с этой датой связана большая часть докладов на конференциях, проведенных в Москве и Рязани (Старая Рязань..., 2020; 2024).

Вернемся к дальнейшей истории изучения памятника. В 1895 г. на Старой Рязани провел небольшие работы крупнейший российский и советский археолог, уроженец Рязанщины В.А. Городцов (1860–1945). В то время он ограничился обмерами старинных укреплений и небольшими земляными работами. В 1926 г. ученый вернулся к изучению памятника, причем провел значительные земляные работы (разведочные шурфы и траншеи), предполагая, опираясь на их результаты, провести здесь более масштабные исследования

(см.: *Вагнер*, 1991). К сожалению, эти исследования в то время не получили необходимой поддержки.

В 1945 г. работы в Старой Рязани были начаты крупнейшим советским археологом-славистом А. Л. Монгайтом (1915–1974). Исследователь пришел на памятник хорошо подготовленным – во время войны он работал над кандидатской диссертацией о Старой Рязани. Раскопки памятника в те годы было организовать невозможно, и он тщательно собрал материалы из старых публикаций, архивных материалов и музейных коллекций. Работами А. Л. Монгайта 1945–1950 гг. были впервые изучены значительные площади памятника и собрана большая коллекция находок. Его монография, опубликованная в 1955 г., представляет собой образцовое фундаментальное исследование, не потерявшее своего научного значения до сих пор.

30.08.1960 постановлением Совета министров РСФСР Старая Рязань была поставлена на охрану как памятник истории и культуры федерального значения. Вскоре архитекторами А. Ф. Панкиным и О. И. Окуневым совместно с археологом Л. А. Беляевым был составлен проект музеефикации памятника (*Панкин*, 1987). Проект реализовать не удалось, с тех пор он во многом устарел (*Медведь*, 2012).

Завершив цикл исследований Старой Рязани, А. Л. Монгайт приступает к изучению других памятников Рязанской земли. В 1966 г. он принимает решение вновь обратиться к изучению стольного города. В эти годы археологи переходят к работам более широкими площадями, что впервые позволило оставить представления о планировке древней городской застройки. С 1970 г. руководство экспедицией переходит к В. П. Даркевичу (1934–2016). Цикл исследований был завершен в 1979 г. В ходе работ 1966–1979 гг. удалось достичь значительного прогресса в области уточнения истории и топографии памятника. Эти годы ознаменовались также многочисленными выдающимися находками, в том числе несколькимикладами высокохудожественных ювелирных изделий. Работы тех лет подробно отражены на страницах сборника «Археология Рязанской земли» (1974), а также в фундаментальной монографии В. П. Даркевича и Г. В. Борисевича (1995).

В 1992 г. в ходе небольших охранных раскопок под руководством В. П. Даркевича был найден замечательный клад золотых изделий, что оживило интерес к дальнейшему исследованию памятника. В 1994 г. был начат новый этап работы экспедиции. Ее возглавил А. В. Чернецов. В 2010 г. новым начальником Старорязанской экспе-

диции стал И. Ю. Стрикалов (до 2017 г. ее научным руководителем оставался Чернецов).

Современный этап работ Старорязанской археологической экспедиции Института археологии Российской академии наук проводится совместно с Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником (с 1997 г. также с Российским государственным гуманитарным университетом), с 1994 по 2021 г. работы ведутся при постоянной финансовой поддержке РФФИ/РГНФ. С 1997 по 2004 г. они дополнительно финансировались в рамках федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки». С 2003 г. эти полевые исследования были поддержаны Отделением историко-филологических наук РАН в рамках программы «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте». В дальнейшем исследования Старорязанской экспедиции получили поддержку в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». В 2012 г. работы экспедиции были поддержаны также в рамках федеральной целевой программы Министерства культуры РФ «Культура России (2012–2018 гг.)».

Предварительные итоги незавершенного этапа исследований памятника в настоящее время подводить преждевременно. Отметим значительный прогресс в изучении фортификации Старой Рязани (в частности, укреплений древнейшей части ядра города) (см.: *Стрикалов*, 2011 и др.), неукрепленного посада города, где был выявлен участок с влажным культурным слоем и найдена первая берестяная грамота, поселенческих структур ближайшей округи города. В 1999–2004 гг. на Старой Рязани Л. А. Беляевым проводились архитектурно-археологические исследования Борисоглебского собора, ранее раскапывавшегося Д. П. Тихомировым, В. А. Городцовым и А. Л. Монгайтом (*Беляев*, 2005). В ходе этих работ удалось существенно уточнить планировку храма и выявить ряд погребений внутри собора и за его стенами. Отметим важное исследование Н. В. Жилиной, посвященное реконструкции комплекса ювелирных украшений, преимущественно по материалам старорязанского клада 2005 г. (*Жилина*, 2014). Результатам полевых исследований последних десятилетий посвящен крупный раздел в книге «Великое княжество Рязанское» (2005) и ряд более поздних публикаций (см., напр.: *Стрикалов*, *Чернецов*, 2012; *Чернецов*, *Стрикалов*, 2021).

Исследование такого важного памятника, как Старая Рязань, предполагает использование высокопрофессиональных естественно-научных исследований. У экспедиции не было возможности обеспечить их достаточно широкое применение. Все же нельзя не отметить многолетнее сотрудничество экспедиции с командой, проводившей геоэкологические исследования памятника (Е. И. Романова, А. Г. Купцов, Л. В. Заботкина). Также не один год продолжалось сотрудничество с А. А. Клочко и Д. Л. Шишковым, обследовавшими около одной трети площади памятника методом георадиолокации (Клочко и др., 2008). Палинологическими исследованиями на городище занимались Е. А. Спиридонова и А. С. Алешинская. Металлографические исследования находок из клада 2005 г. были проведены И. Г. Равич. Химический состав металла находок из клада 2013 г. исследовала, используя неразрушительный анализ, И. А. Сапрыкина (2020). Определения породы камня, из которого был изготовлен ряд находок на городище, были подготовлены старшим научным сотрудником Минералогического музея РАН им. А. Е. Ферсмана М. Б. Чистяковой. Последнее время Старорязанская экспедиция работала в тесном контакте со специалистами из Рязанского университета В. А. Усковым и А. В. Водорезовым, применяя геолого-географические и геолого-геомагнитные методы (Усков и др., 2013). Эти исследования представляют взаимный интерес как для специалистов в области естественных наук, так и для тех, кого преимущественно интересует историко-археологическая проблематика. Это взаимодействие природных и антропогенных факторов формирования рельефа и культурных напластований памятника, специфика стратиграфии на склонах и оползнях.

Несмотря на многолетние археологические исследования, памятник изучен далеко не полностью. Старая Рязань в пределах городских укреплений занимает весьма значительную площадь – более 67 га. Между тем многолетними раскопками вскрыто всего около 7% этого пространства. При этом за чертой городских стен располагался обширный неукрепленный посад. Городище довольно интенсивно разрушается природными процессами – эрозией и оползнями (Чернецов, 2009б; Усков и др., 2013). В течение ряда лет на Старой Рязани прослеживались следы незаконных раскопок, нередко довольно успешных (Чернецов, 2018а). Постоянно действующий пункт охраны появился на городище лишь в 2012 г.